

и притом — московского. Что автор повести был москвич, об этом свидетельствует весь эпизод с приглашением лисицы в просвирни к Крутицкому митрополиту: сведения о Крутицком митрополичьем доме в Москве и о живших в нем митрополитах мы имеем в достаточном количестве уже с первой четверти XVII в., в XVIII в. этот дом именуется обычно не митрополичьим, а «архиерейским».¹ В среде московского служилого класса, достаточно показавшего в первой половине XVII в. свое более свободное отношение к вопросам церковной обрядности, и могла создаться сатира — повесть о куре и лисице. Люди по своему времени иногда очень начитанные, они могли знать те старые литературные памятники, отголоски которых слышатся в речах кура и лисицы, но в то же время, смелые в отношении к церковным вопросам, они и в области литературного языка могли обнаружить некоторую смелость, все чаще и чаще наблюдаемую нами в литературе XVII в.: живая разговорная речь энергично пробивается в эту эпоху сквозь привычный слой старого славяно-русского книжного языка, и это течение особенно ясно обозначается в языке повестей XVII в., не только созданных в эту пору заново, но и в переработках старых переводных и оригинальных повествовательных сюжетов.

Гадать, почему от XVII в. мы не имеем ни одного списка повести о куре и лисице, трудно. Возможно, что слишком сильно было еще в это время сопротивление консервативного большинства подобной литературе. Иван Бегичев, представитель традиционного мировоззрения, говорит о нашей повести как о низшем сорте литературы, недостойном внимания серьезного читателя. И повесть о бражнике очень редко встречается в списках XVII в. Обе повести, видимо, прятались где-то в любительских сборниках и выплыли тогда, когда первоначальная острота их замысла была забыта, и сами они стали рассматриваться как занимательное чтение. С историей повести о куре и лисице в этот период, т. е. в XVIII в., мы знакомимся уже по определенному письменному, а позже и печатному материалу.

Списки прозаической редакции повести о куре и лисице, сохраняя фабулу, стилистически сравнительно свободно обращаются с текстом старой повести. Те изменения, какие мы в них наблюдаем, клонятся обычно к еще большему приближению языка к живой разговорной речи, к усилению занимательности повести, а не ее сатирического замысла. Отсюда украшение речи новыми пословицами, которые варьируются по отдельным спискам — см. в сп. Забел. 536. — «одному господину служить, а другому не грубить»

¹ И. Забелин. Материалы для истории и археологии г. Москвы. Ч. I, стр. 852; ч. II, стр. 727.